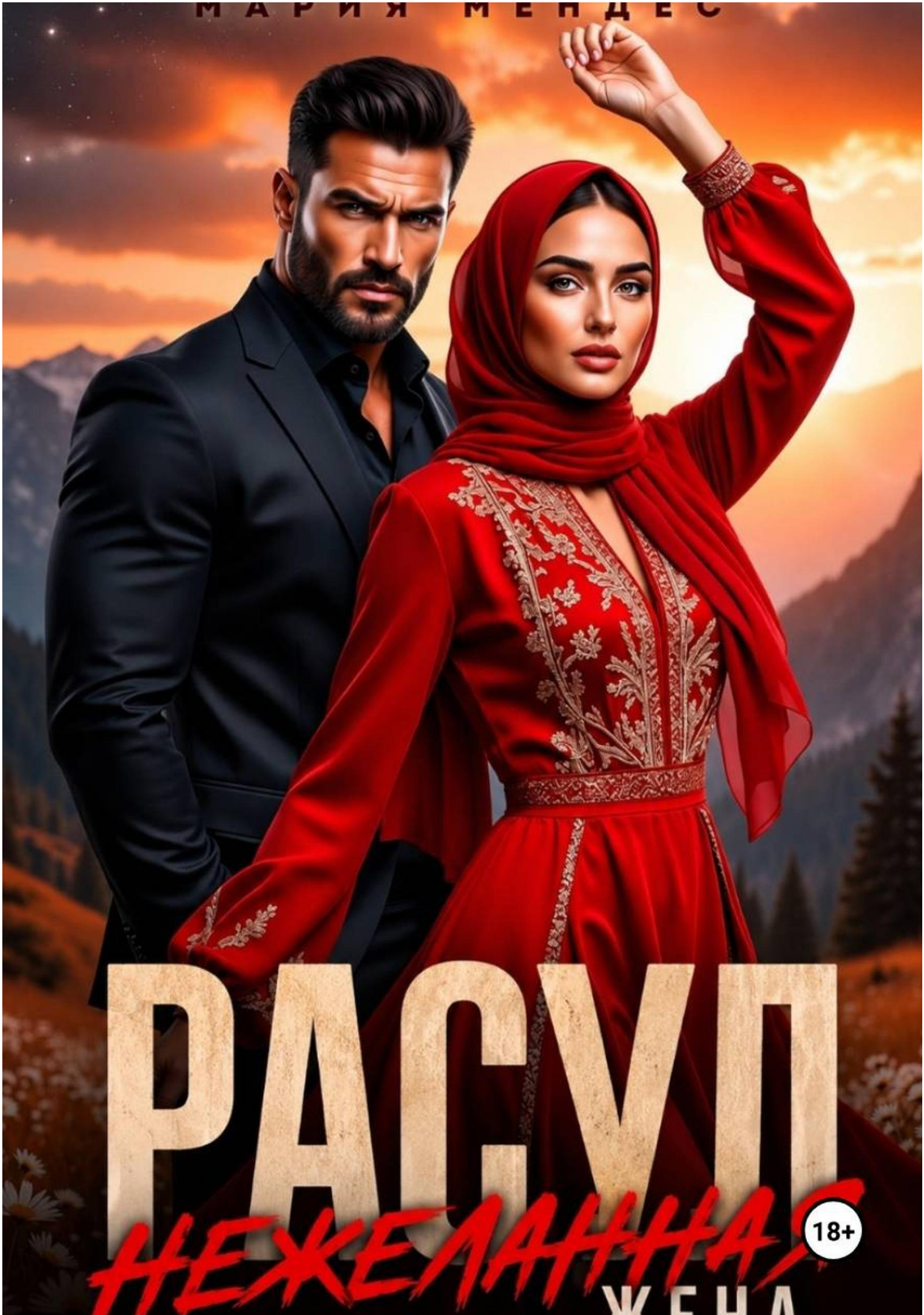
МАРИЯ МЕНДЕС



РАСУП

НЕЖЕЛАННАЯ ЖЕНА

18+

Мария Мендес

Расул. Нежеланная жена

«Автор»
2026

Мендес М.

Расул. Нежеланная жена / М. Мендес — «Автор», 2026

— Я никогда её не полюблю. И никогда не разделю с ней постель, — безжалостно чеканит мой муж.В нашу первую брачную ночь. Стоя за дверью спальни.— Она твоя законная жена! — в ярости рычит его отец.— Жена для вас и для общества. Но в моем сердце была и останется другая. А к вашей Марианне я даже пальцем не притронусь.Я стою на вершине лестницы в роскошном свадебном платье и слышу каждое слово. Мой новоиспеченный муж, суровый герой войны, бросил меня прямо за свадебным столом ради звонка от бывшей.Меня навязали ему силой. Я для него — обуза и пустое место.Но почему тогда, войдя в спальню и закрыв за нами дверь, он медленно стягивает галстук и смотрит на меня таким темным, голодным взглядом?

© Мендес М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. 5
Глава 2. 8
Глава 3. 11
Глава 4. 14
Глава 5. 17
Глава 6. 22
Глава 7. 27
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Мария Мендес
Расул. Нежеланная жена

Глава 1.

Марианна

Время тянется невыносимо медленно. Каждая секунда, отбиваемая стрелкой больших настенных часов в зале торжеств, бьет по моим натянутым нервам.

Я сижу во главе огромного, богато накрытого стола в роскошном свадебном платье. Мои руки, спрятанные под длинными кружевными рукавами, ледяные. Я сжимаю пальцы так сильно, что ногти впиваются в ладони.

Рядом со мной пустой стул.

Жениха нет.

В зале, где собралось больше сотни гостей — уважаемые люди города, родственники, старейшины рода, — нарастает гул. Сначала это были просто удивленные перешептывания, но с каждой минутой опоздания Расула шепот становится всё громче, всё скандальнее. Я чувствую на себе десятки жалостливых, насмешливых и осуждающих взглядов. Брошенная невеста. Какое унижение для девушки, какое пятно на репутации семьи.

Отец Расула, властный и строгий человек, сидит неподалеку. Его лицо потемнело от гнева, желваки ходят ходуном. Он то и дело кому-то звонит, коротко и резко бросая в трубку приказы найти сына, но каждый раз получает отрицательный ответ. Телефон Расула выключен.

Никто в этом огромном зале не знает, где он. Никто, кроме меня.

Горло сдавливает горький ком, а на глаза наворачиваются слезы, но я не позволяю им пролиться. Я не имею права показать слабость. Мой покойный отец, чья фотография с черной лентой стоит у меня дома, всегда учил меня быть сильной. Он умер всего два месяца назад от тяжелой болезни, оставив меня круглой сиротой. И тогда отец Расула, его лучший друг, названый брат, поклялся на его смертном одре, что я не останусь одна. Что я войду в его семью как дочь и стану женой его единственного сына.

Расула не спрашивали. Меня — тем более. Слово старших — закон.

Я знаю Расула с детства. Он всегда был для меня недосягаемой величиной: старше на семь лет, серьезный, сильный. Настоящий воин. Он вернулся с войны всего полгода назад. Героем, но с искалеченным коленом и потухшим взглядом. Из-за ранения его перевели на штабную должность, оставив на родине. Но я знала, что настоящая его война шла не там, за ленточкой. Она шла здесь, в его сердце.

Сегодня утром, когда дом был полон суеты перед торжеством, я случайно услышала разговор его лучшего друга на заднем дворе. Тот нервно ходил кругом и говорил кому-то по телефону:

«Он поехал к Лене. Да, прямо сейчас. Сказал, что если она согласится принять его, он всё отменит. А если снова откажет из-за гордости… тогда приедет на регистрацию. Ждем».

Лена. Русская девушка, которую Расул безумно любил последние пять лет. Девушка, которую не приняла его семья. Острая на язык, гордая и независимая, она не захотела быть с ним втайне и прогнала его перед самой отправкой на фронт поставив тем самым точку в их истории. Но сегодня, в день нашей свадьбы, мой будущий муж делает всё, что в его силах, чтобы быть с женщиной его сердца.

А я сижу здесь. Запасной вариант. Покорная кукла, которая примет его, если другая укажет ему на дверь.

От этой мысли сердце сжимается от такой обжигающей боли, что становится трудно дышать. Я закрываю глаза, мечтая провалиться сквозь землю, исчезнуть, только бы не терпеть этот позор.

Внезапно гул в зале стихает. Мгновенно, словно кто-то выключил звук.

Я распахиваю глаза.

Двери банкетного зала открываются, и на пороге появляется он. Расул.

Он идет к нашему столу — главному в этом огромном зале. В идеально скроенном темном костюме, высокий, широкоплечий. Из-за ранения, полученного на войне, он слегка прихрамывает на левую ногу, но даже в этой тяжелой походке столько мужской силы и грации, что зал замирает.

Мое сердце пропускает удар. Он пришел. Значит… она ответила ему отказом.

Отец Расула поднимается навстречу сыну, его глаза мечут молнии, но при гостях он сдерживает гнев.

— Ты заставил людей ждать, — ровно, но с угрозой произносит он.

— Пробки, отец, — так же ровно, без единой эмоции отвечает Расул.

Он обходит стол и останавливается рядом со мной. Я чувствую запах его парфюма — морозный, с легкой ноткой табака. Мои руки дрожат так сильно, что я вцепляюсь в ткань платья, чтобы он этого не заметил.

Расул не смотрит на меня с презрением или злостью. В нем вообще нет агрессии по отношению ко мне. Он опускается на стул рядом.

— Прости, что заставил нервничать, Марианна, — произносит он негромко. Его голос глубокий, бархатный, но абсолютно пустой. Мертвый.

Сотрудница ЗАГСа, которую пригласили для выездной регистрации, суетливо начинает свою речь. Говорит о любви, о верности, о долгой совместной жизни. Каждое её слово звучит как насмешка.

Когда нас просят поставить подписи, Расул делает это твердой рукой. Я расписываюсь следом, едва удерживая ручку дрожащими пальцами.

Наступает момент обмена кольцами. Расул поворачивается ко мне. Берет мою ледяную ладонь в свои большие, горячие руки. Его прикосновение обжигает. Он надевает золотой ободок на мой безымянный палец аккуратно, стараясь не причинить боли, как и подобает мужчине, который знает силу своих рук.

Зал взрывается аплодисментами. Гости облегченно выдыхают.

Мы садимся обратно. Расул наливает мне немного минеральной воды в хрустальный стакан и придвигает ко мне, заметив, как я бледна. Эта будничная, почти автоматическая забота делает мне только больнее.

Я хочу сказать ему, что всё знаю. Хочу сказать, что мне не нужна его жалость.

Но в этот момент его мобильный телефон, лежащий на столе прямо между нами, вдруг загорается. Экран оживает, высвечивая короткое входящее сообщение с незнакомого номера.

Мой взгляд сам собой падает на светящийся экран, и я отчетливо вижу короткий текст:

«Я передумала. Приезжай, пока не поздно. Я согласна».

Я перестаю дышать. Поднимаю глаза на Расула. Он тоже смотрит на экран. Желваки на его лице проступают с такой силой, что кажется, сейчас хрустнут кости. В его глазах, секунду назад абсолютно мертвых, вспыхивает отчаянный, дикий пожар.

Он медленно переводит взгляд на меня. Мы смотрим друг другу в глаза под громкие ритмы национальной музыки и одобрительный гул старших.

Я всё понимаю без слов.

И в следующее мгновение мой муж, человек, чье обручальное кольцо только что оказалось на моем пальце, берет со стола телефон, резко отодвигает стул и, не сказав никому ни слова, уверенным шагом направляется к выходу.

Прямо на глазах у своего разгневанного отца и сотен пораженных гостей.

Глава 2.

Марианна

Скандал, разразившийся после его ухода, я помню как в тумане.

Мертвая тишина в зале. Белое от ярости лицо дяди Мурата. Суетливые попытки старших «сохранить лицо» перед гостями, нелепые оправдания про срочный вызов по службе… И сотни глаз, устремленных на меня.

После всего этого позора меня привезли не в отдельный дом, а в большое родовое гнездо его семьи. По нашим традициям сын остается жить под одной крышей с родителями, и теперь этот огромный, пропахший чужими правилами каменный дом должен стать моей тюрьмой.

Тяжелая дубовая дверь спальни закрывается за спиной, отсекая меня от остального мира.

Я остаюсь одна. Тишина давит на барабанные перепонки. К горлу мгновенно подступает горький, удушливый ком, а на глаза наворачиваются горячие слезы. Мне до одури хочется сползти по стенке прямо в этом расшитом камнями платье, обхватить колени руками и разрыдаться в голос. Выплеснуть всю боль, весь страх и всё то унижение, которое я сегодня пережила.

Но я вскидываю подбородок и смаргиваю влагу. Нет. Я не позволю себе сломаться.

Мне всего восемнадцать. Возраст, когда девочки только начинают жить, мечтают о будущем и учатся в университетах. А я за последние два месяца успела похоронить единственного родного человека, стать круглой сиротой и выйти замуж за мужчину, который бросил меня прямо за свадебным столом. Этот брак, о котором договорились старшие, должен был стать моим спасением, крышей над головой и защитой. Но вместо этого он лишь умножил мое одиночество. Я никогда еще не чувствовала себя такой беззащитной и потерянной, как сейчас, в статусе законной жены.

Я обхватываю плечи ледяными руками и обвожу взглядом комнату. Строгая мужская мебель, темные тона — во всём этом безошибочно угадывается Расул. Мой муж по закону, но абсолютно чужой человек во всём остальном.

Мы знали друг друга всю жизнь, но эта «жизнь» всегда шла по разным орбитам. Между нами семь лет разницы. Когда я пошла в первый класс, он уже был подростком. Когда я оканчивала школу, он вернулся с войны седым и искалеченным мужчиной. В нашем кругу мальчики и девочки не дружат и не проводят время вместе. Всё наше общение за эти долгие годы сводилось к коротким, дежурным кивкам при случайных встречах на больших семейных ужинах. Сухое «привет», тихое «пока». Он всегда был для меня взрослым, далеким и абсолютно чужим человеком.

И вот теперь я стою посреди спальни этого абсолютно чужого человека.

Окно распахнуто настежь, и ночной горный ветер свободно гуляет по комнате, выстужая её до состояния ледника. Я инстинктивно тру плечи, пытаясь согреться, но холод уже пробрался глубоко под кожу, оседая где-то в груди колючей болью. Я понимаю, что начинаю заболевать — горло противно саднит, а лоб покрывается липкой испариной. По-хорошему, нужно бы спуститься вниз, попросить у кого-нибудь из женщин жаропонижающее. Но гордость и горькая обида намертво сковывают ноги.

Перетерплю как нибудь эту ночь…

Мне дико, невыносимо некомфортно находиться в его комнате, среди его вещей. Я не хочу переодеваться, не хочу прикасаться к его постели. Я хочу домой. В свою маленькую комнату, где пахло маминими духами и старыми книгами отца. Хочу, чтобы всё это оказалось дурным сном.

Я съедаю себя изнутри. Злюсь на Расула до дрожи в сжатых кулаках за то, что он так легко вытер об меня ноги. И тут же одергиваю себя: какое я имею право на него злиться? Он ведь тоже заложник ситуации. Нас обоих связали по рукам и ногам долгом.

Но больше всего меня душит эта мерзкая, липкая жалость со стороны его семьи. Меня подобрали, как бездомного котенка, «пристроили», чтобы я не пропала. Я сыта этой жалостью по горло.

Время тянется мучительно медленно. Час, два, три… Я не знаю, сколько стою вот так, обхватив себя руками, посреди темной комнаты. Силы окончательно покидают меня. Тяжелое платье неумолимо тянет к полу. Не раздеваясь, я подхожу к огромной двуспальной кровати и ложусь на самый её краешек, свернувшись клубочком. Организм, измученный стрессом, холодом и подступающим жаром, просто отключается. Я проваливаюсь в тяжелый, вязкий сон.

А просыпаюсь я от громкого, яростного крика, разорвавшего ночную тишину дома.

Вздрагиваю так сильно, что едва не падаю с края кровати. Сердце колотится где-то в горле, ударяясь о ребра с такой силой, что перехватывает дыхание. Внизу с грохотом хлопают двери, раздаются тяжелые шаги и голоса.

Я сажусь на постели, сжимая дрожащими пальцами расшитый подол. Озноб бьет меня крупной дрожью — простуда всё-таки взяла свое. Я заставляю себя подняться и на ватных ногах подойти к двери спальни.

Голоса доносятся с первого этажа, из холла.

— Ты опозорил нас! Опозорил весь наш род! — гремит голос дяди Мурата. В нем столько ярости, что, кажется, сейчас задрожат стены. — Встать и уйти со своей собственной свадьбы на глазах у старейшин?! Ради кого? Ради девки, которая выставила тебя за дверь?!

— Не смей так о ней говорить, — голос Расула звучит ниже, тише, но в нем лязгает абсолютная сталь. В нем нет страха перед отцом, только глухое, сдерживаемое бешенство. — Я вернулся. Кольцо у Марианны на пальце. Свидетельство о браке подписано. Я выполнил твою волю. Что тебе еще нужно?

— Мою волю?! — срывается на рык дядя Мурат. — Ты называешь это честью?! Ты выставил на посмешище меня! Ты унизил Марианну, девочку, которую мы клялись защищать и оберегать! Как ты в глаза ей теперь смотреть будешь? Она сирота, мать твою!

— Я сделал всё, что вы от меня хотели, — голос Расула звучит пугающе ровно, но в нем звенит натянутая до предела сталь. — Вы требовали правильную невестку? Настоящую мусульманку, покорную и тихую, которая станет безупречным украшением нашего рода и вашей гордостью? Я прогнулся под ваши правила дальше некуда. Я привел её в наш дом. Я дал ей свою фамилию. Но на этом — всё.

— Что ты несешь?! — задыхается от гнева отец моего мужа. — Она твоя законная жена!

— Жена для вас и для общества. Но большего от меня не ждите, — каждое слово Расула бьет наотмашь, жестоко и беспощадно. — Я никогда её не полюблю. И никогда не разделю с ней постель. В моем уме, в моем сердце и в моей жизни была и навсегда останется только Лена. А к вашей Марианне я даже пальцем не притронусь. Это моё последнее слово.

Дядя Мурат с шумом набирает в грудь воздух, чтобы разразиться новой гневной тирадой, но вдруг резко осекается. Его лицо в одно мгновение меняется, а потемневший от ярости взгляд устремляется вверх, на галерею второго этажа.

Только перехватив этот потрясенный взгляд отца Расула, я вдруг осознаю, где нахожусь. Сама не поняла как, но я вышла из комнаты и, оказывается, уже не первую минуту стою у перил, абсолютно открытая их взглядам.

Расул, проследив за взглядом отца, медленно поднимает голову.

Наши глаза встречаются.

Мертвая, звенящая тишина тяжело повисает над первым этажом. В темном взгляде мужа на долю секунды мелькает понимание того, что я всё слышала. Расул тихо, сквозь стиснутые зубы выругивается, резким, раздраженным жестом проводя пятерней по своим жестким волосам.

А в следующую секунду он отворачивается от отца, ступает на лестницу и начинает быстро подниматься по ступенькам ко мне...

Глава 3.

Марианна

Его тяжелые, размеренные шаги гулом отдаются в ушах. Расул преодолевает лестничный пролет быстро, но останавливается, не дойдя до меня буквально пару-тройку метров.

— Зайди обратно, — бросает он.

Голос звучит сухо и с явно осязаемым раздражением. Но что задевает больше всего — в этой короткой фразе сквозит такая откровенная снисходительность, будто он отчитывает нашкодившую маленькую девочку, которую поймали за подслушиванием взрослых разговоров.

Эта интонация обжигает. Да, мне всего восемнадцать. Да, я физически слабее, и мой язык не так хорошо подвешен, чтобы на равных тягаться с битым жизнью, взрослым мужчиной. Я прекрасно осознаю свои слабости. Но прямо сейчас отчаянная, болезненная гордость берет верх над страхом и накатывающей болезнью.

Я упрямо вздергиваю подбородок. Заставляю себя не опускать глаза и дерзко, с вызовом выдерживаю его давящий, темный взгляд. А затем молча разворачиваюсь и, с максимально прямой спиной и высоко поднятой головой, возвращаюсь в спальню.

Расул заходит следом.

Щелчок закрывшейся двери звучит в ночной тишине слишком резко. Этот звук мгновенно отзывается где-то внутри холодной, липкой тревогой. Разумом я понимаю: мне нечего бояться. Буквально минуту назад он на весь дом заявил, что никогда ко мне не притронется и что в его сердце нет для меня места. Я знаю, что он меня не тронет, но от того, что мы оказались заперты в одном пространстве наедине, страх всё равно подло подбирается к горлу.

Я оборачиваюсь и напряженно слежу за каждым его жестом.

Расул не спешит. Его движения подчеркнуто медленные, ленивые, хищные. Он не сводит с меня глаз, пока стягивает с шеи узкий галстук и небрежно отбрасывает его в сторону кресла. Затем привычным, скупым жестом расстегивает пару верхних пуговиц рубашки и слегка разминает затекшую шею, словно сбрасывая с себя напряжение прошедшего скандала.

— Поговорим? — наконец нарушает он тишину. Голос ровный, глухой, но заполняющий собой всю комнату.

Я крепче сжимаю ледяные пальцы и снова пряча их в пышных складках платья, задираю нос.

— Говори, — бросаю я. Мой голос звучит тоньше, чем хотелось бы, но я вкладываю в него всю доступную мне дерзость.

Расул прищуривается. На одно короткое мгновение в его взгляде вспыхивает неподдельный, почти осязаемый интерес. Он смотрит так, словно впервые видит меня по-настоящему — живую, упрямую, — перестав скользить привычным равнодушным взглядом сквозь меня.

— Я буду с тобой честен, — глухо говорит он. Кивком предлагает мне присесть на постель, а сам по-хозяйски располагается в кресле напротив, разделяя комнату на две половины.

Внутри всё упрямится, моя уязвленная гордость кричит не слушаться его, но я не устраиваю сцен. Вспоминаю, что мы оба оказались жертвами ситуации, и делаю, как он говорит.

— Я не буду врать. Ты и так, скорее всего, догадываешься: у меня есть женщина. Мне не должно быть обидно, но грудь всё же пронзает острая боль. Мне неприятно и максимально неловко. Я не могу смотреть ему в лицо и сохранять невозмутимость. Это выше моих сил, поэтому я отвожу взгляд и едва заметно киваю. А ему, видимо, показалось, что я не расслышала, или он просто решил добить меня наверняка, поэтому добавляет:

— Любимая женщина.

Я стараюсь дышать ровно. А если точнее, я просто стараюсь не забывать дышать.

Ещё вчера я была беззаботной девочкой, а сегодня на меня рухнула целая гора нерешаемых проблем.

Я не готова к ним, не знаю, как с ними справляться. И совершенно не представляю, что мне теперь делать. Я закрываюсь. Не смотрю на него, гоню мысли о ситуации, в которой оказалась, и о словах, которые он только что произнес. Вместо этого я судорожно вызываю в памяти спасительную картинку из прошлого. Мама и я. Она заплетает мои длинные косы и ласково приговаривает, что главное украшение девушки — это её волосы. Улыбается и обещает: когда я выйду замуж, мой муж будет покорен моими длинными волнистыми локонами. Я смущаюсь и звонко хохочу в ответ. Спорю с ней, говорю, что всё это пережитки прошлого, времена наших бабушек и дедушек. А она лишь отвечает, что я еще маленькая и ничего не понимаю.

Как только это воспоминание начинает меркнуть, я лихорадочно ищу новое. И вот я уже с отцом. Мы остались вдвоем после ухода мамы. По вечерам он заходил ко мне, гладил по волосам, вдыхал их запах и, не подозревая, что я не сплю, шептал, как сильно меня любит. Что я — самое дорогое, что у него есть. Он приходил каждую ночь и каждую ночь давал обещание, что я обязательно буду счастливой. И что он сделает для этого всё, что в его силах…

— Марианна, — голос Расула вырывает меня из забытья.

Я не хочу слышать его, не хочу выныривать из тёплых воспоминаний, которыми я сейчас защищаюсь. Но Расул настойчив.

— Ты меня слушаешь?

— Да… Я тебя услышала. Ты женат на мне, но любишь другую.

— Да, — тяжело роняет он. — Женат на тебе. И да, я люблю другую женщину.

Его голос звучит ровно, без попытки оправдаться или смягчить удар. Эта абсолютная, обнаженная честность режет по живому, но парадоксальным образом вызывает толику уважения. Он не юлит. Не пытается выставить себя жертвой или сделать виноватой меня.

Расул опирается локтями о колени и сцепляет пальцы в замок.

— Я не буду просить прощения за свои чувства, Марианна. Это то, чем я не могу управлять, — продолжает он, глядя мне прямо в глаза. — Но я прошу прощения за то унижение, через которое тебе сегодня пришлось пройти по моей вине. Ты этого не заслужила. Твой отец был достойным человеком, и он доверил тебя нам. Я об этом не забыл.

Я судорожно сглатываю подступивший к горлу ком. Мои пальцы до боли впиваются в кружево платья.

— Тогда почему ты вернулся? — мой голос дрожит, выдавая слабость, которую я так отчаянно пыталась скрыть. — Если любишь её… почему не остался там?

— Потому что так надо было.

Он поднимается с кресла. Высокий, широкоплечий, заполняющий собой всё пространство этой огромной спальни.

— Ты моя жена по закону. Под моей защитой, — строго чеканит Расул. — У тебя будет всё, что ты захочешь. Деньги, свобода действий. Хочешь учиться — поступишь в любой университет. Хочешь открыть свое дело — я оплачу. Ты не пленница, Марианна.

Он подходит к шкафу и достает оттуда запасное одеяло и подушку.

— Но как мужчина… я для тебя мертв. Не влюбляйся, не строй иллюзий на мой счёт. Это всё о чём я тебя прошу, — его слова падают между нами тяжелыми камнями. — Я сдержу слово, которое дал внизу. Эта кровать — твоя. Моя территория на эту ночь — диван. Я никогда к тебе не прикоснусь. Завтра для тебя приготовят отдельную комнату, мы будем жить раздельно. А через пару лет, когда страсти улягутся и ты встанешь на ноги… я дам тебе развод.

Эти слова должны были принести облегчение, но вместо этого они с размаху бьют наотмашь. Чувство глубокого, липкого унижения обжигает изнутри. Меня только что аккуратно, со всеми удобствами, задвинули на пыльную полку.

Я заставляю себя держать спину прямо, хотя пальцы дрожат от подступающей обиды.

— Получается... — мой голос слегка срывается, выдавая неловкость, но я упрямо продолжаю, глядя в его широкую спину. — Получается, всё это время, пока мы в браке... ты будешь с ней?

Расул замирает с одеялом в руках. Медленно оборачивается.

— В каком смысле? — его тон становится на градус холоднее.

— В прямом, — я сглатываю жесткий ком в горле, но отступать уже поздно. — Ты будешь спать с ней, пока я буду сидеть в твоем доме в статусе законной жены?

Его челюсть едва заметно напрягается, а желваки приходят в движение. Темный взгляд тяжелеет, давя своей жесткостью. Ему явно не нравится, что девчонка, которой он только что великодушно расписал правила жизни, смеет лезть на его территорию.

— Моя личная жизнь — это не то, что должно тебя волновать, Марианна, — чеканит он ледяным, отстраненным тоном, возводя между нами бетонную стену. — Тебя это не касается.

— Хорошо. Я поняла, — киваю я, чувствуя, как от этой холодности внутри вспыхивает отчаянная, злая искра. — Тогда… Можно задать ещё один вопрос?

Расул чуть склоняет голову набок, прищуриваясь:

— Говори.

Я вскидываю подбородок, выдерживая его тяжелый взгляд, и бью в самую больную точку его мужской гордости:

— Раз уж у нас такой современный договор... Если ты, будучи моим мужем, будешь спать с другой женщиной, значит ли это, что я могу позволить себе то же самое? Я тоже могу завести отношения с другим мужчиной?

Глава 4.

Воздух в спальне мгновенно становится тяжелым, вязким, словно перед грозой. Одеяло, которое Расул держал в руках, летит на диван, и он делает медленный, тяжелый шаг в мою сторону.

В его потемневших глазах вспыхивает холодное, опасное пламя. Вся его расслабленность исчезает в одно мгновение. Сейчас передо мной стоит не равнодушный мужчина, а хищник, чью территорию только что рискнули оспорить.

— Не путай берега, Марианна, — его голос падает до пугающего, ровного полушепота, от которого мороз дерет по коже. — Моим отношениям не один день и не один год. Я требую, чтобы ты уважала мои чувства так же, как я сейчас с уважением отношусь к тебе и к той ситуации, в которой мы оба оказались.

Он делает еще один шаг. Я инстинктивно вжимаюсь в спинку кровати, но взгляд не отвожу.

— Ты не можешь быть с другими мужчинами, — каждое слово он вбивает как гвоздь. — Потому что ты — моя жена. Потому что ты находишься под моей ответственностью. Пока ты носишь мою фамилию, всё, что ты делаешь, напрямую касается меня, моей чести и моей семьи. Любое твое неверное движение, любой косой взгляд в твою сторону может опорочить весь наш род. Ты выросла в этих традициях, ты знаешь это не хуже меня.

Расул нависает надо мной. В нем нет агрессии, но его мужская энергетика давит так, что становится нечем дышать.

— Учись, — жестко продолжает он. — Развивайся. Занимайся любым делом, становись самостоятельной. А когда пройдет два года и я тебя отпущу — будешь вольна делать всё, что захочешь, и спать, с кем пожелаешь. Но пока ты в этом доме, ты будешь вести себя безупречно. Не задавай больше таких глупых вопросов. Просто будь умной девочкой и проживи эти два года правильно. Мы друг друга поняли?

От этой ультимативной, непробиваемой мужской логики меня начинает трясти. Страх отступает, смытый горячей волной жгучей, отчаянной обиды.

— Умной девочкой? — мой голос срывается, но я вскакиваю на ноги, отказываясь смотреть на него снизу вверх. — А ты, значит, можешь делать всё, что захочешь?

— Я — мужчина, Марианна. С меня другой спрос.

— Да что ты?! — я нервно, с горечью усмехаюсь, чувствуя, как на глаза наворачиваются злые слезы. — Мои гипотетические действия, значит, опорочат твою семью... А твои реальные действия?! То, что ты сорвался из-за стола, бросив меня перед сотней людей — это не задело мою честь?! То, что ты побежишь к ней, пока я сижу в твоём доме и оберегаю честь твоей семьи — это не позор для тебя?! Об этом ты не подумал, когда читал мне свои лекции о чести?!

Его челюсть каменеет. Расул смотрит на меня тяжело, не мигая. Мои слова бьют точно в цель, я вижу это по тому, как дергается мускул на его скуле. Он знает, что я права. Знает, что поступил с моей гордостью жестоко. Но его мужское эго и упрямство никогда в этом не признаются.

— Осторожно, Марианна, — наконец, глухо выдаёт он. — Ещё немного, и я буду думать, что я тебе небезразличен.

Я теряюсь от такой прямоты. Дыхание перехватывает, а вся моя показная храбрость мгновенно осыпается под его тяжелым взглядом. Щеки вспыхивают от стыда.

— Мне нет до тебя... никакого дела, — тихо, но упрямо бормочу я. — Просто... просто это несправедливо. Вот и всё.

Звучит жалко и по-детски. Я сама это понимаю. Уголок губ Расула едва заметно дергается. Моя попытка показать зубки кажется ему смешной. Для него я сейчас — просто нахохлившийся воробей, который пытается напугать хищника.

— Жизнь вообще несправедливая штука, Марианна. Привыкай, — бросает он уже без всякой злости, скорее как констатацию факта.

На этом всё. Расул больше не намерен продолжать этот спор, и всем своим видом показывает, что разговор исчерпан. Он отходит к длинному кожаному дивану в углу комнаты и тяжело опускается на него, даже не расстелив постель. Ложится прямо так — в брюках и рубашке. Закидывает руку на лицо, закрывая глаза локтем, и, кажется, засыпает уже через несколько минут, совершенно не страдая ни от угрызений совести, ни от неудобства.

А я остаюсь наедине со своим липким страхом, подступающей болезнью и тяжелыми мыслями. Ворочаюсь на огромной чужой кровати прямо в измятом свадебном платье и проваливаюсь в тревожный, поверхностный сон лишь под утро.

Будит меня настойчивый стук в дверь. Сначала мягкий, деликатный, а затем более громкий и требовательный.

Мы с Расулом распахиваем глаза почти одновременно. Он мгновенно садится на диване. Его взгляд еще секунду остается сонным, но тут же фокусируется, становится острым и трезвым. Расул хмурится, глядя на дверь, а затем поднимается.

Я тоже вскакиваю с кровати, путаясь в тяжелом подоле. Меня знобит, голова кружится, но я заставляю себя подойти ближе к двери, вставая чуть позади мужа. Нервно, дрожащими руками пытаюсь пригладить растрепавшиеся волосы и привести себя хоть в какой-то порядок.

Расул приоткрывает дверь. На пороге стоят три взрослые женщины — родственницы со стороны отца. Их лица торжественны, на губах играют предвкушающие, многозначительные улыбки.

— Доброе утро, молодые, — елейным голосом тянет одна из них. — Пора, Расул. Старшие внизу ждут. Согласно нашим обычаям мы пришли за простыней. Ну ты и в прочим без нас это знаешь…

Расул замирает. Секунду, две он стоит абсолютно неподвижно, держась за ручку двери, а затем медленно оборачивается и смотрит на меня.

Я сгораю от стыда. Лицо вспыхивает так, словно меня окатили кипятком. Я инстинктивно обхватываю себя руками, пытаясь закрыться от его тяжелого взгляда и от всей этой дикой ситуации, хотя мое платье и так застегнуто под самое горло.

Расул переводит взгляд обратно на женщин. На его лице появляется легкая, вежливая полуулыбка.

— Доброе утро. Подождите пять-десять минут, — ровно произносит он и закрывает дверь.

Он не говорит мне ни слова. Быстрым шагом направляется в ванную, а когда выходит оттуда, на его пальцах алеет свежий порез. Расул подходит к кровати, резким движением срывает белоснежную простынь и пачкает ткань своей кровью.

Затем он сворачивает её и протягивает мне. Его лицо снова становится серьёзным, а тон — абсолютно бескомпромиссным.

— Значит, так, — чеканит он, глядя мне прямо в глаза. — Вчера мы всё обсудили и расставили точки над «i». Но эту правду будем знать только ты, я и моя семья. Для всех остальных ты — моя настоящая жена. Мы соблюдаем всё, что положено. Для всего остального мира мы спим вместе и делим постель. Иди и отдай им это.

Он кивает в сторону двери.

Я смотрю на скомканную ткань, и меня начинает мутить. Я и так держусь на последних каплях сил, жар плавит кости, а эта унизительная ложь добивает меня окончательно.

На ватных ногах я подхожу к двери и приоткрываю её.

Женщины тут же с готовностью забирают у меня простыню. Их лица озаряются довольными улыбками, и на меня обрушивается шквал бесстыдных, неловких вопросов:

— Ой, девочка, какая же ты бледная! — ахает одна из тетушек, жадно разглядывая мое измученное лицо.

— Как ты себя чувствуешь, дочка? Наш Расул не был с тобой слишком настойчив?

— Совсем спать не давал, да? Измучил девочку за ночь, вон на ногах еле стоит! — тихо, но отчетливо хихикает третья.

Эти слова бьют по воспаленному мозгу наотмашь. Я медленно, словно в замедленной съемке, оборачиваюсь и смотрю на Расула. Он в этот момент смотрит на меня. Между нами вдруг повисает такая звенящая, густая неловкость, что воздух в спальне кажется наэлектризованным. Мои щеки снова обжигает румянцем, но уже в следующую секунду жар резко сменяется ледяным холодом.

Кровь мгновенно отливает от головы. Лица хихикающих тетушек сливаются в одно пятно, а голоса превращаются в неразборчивый гул. Стены огромной спальни начинают стремительно сужаться.

Я чувствую, как колени окончательно подкашиваются. Пол уходит из-под ног, и тьма накрывает меня с головой.

Последнее, что я слышу, проваливаясь в густую пустоту, — это голос Расула. В нем нет привычного холода, только резкая, неожиданная интонация:

— Марианна!

Глава 5.

Расул

Тяжелая дубовая дверь захлопывается прямо перед моим носом, отсекая меня от собственной спальни.

Холодная паника, прошившая меня до самых костей секунду назад, когда Марианна вдруг начала оседать на пол, постепенно отступает. Я успел её подхватить.

Едва коснувшись её кожи, я сразу понял, в чём дело — девчонка горела. Жар был такой, что чувствовался даже через плотную ткань её расшитого платья. Я быстро перенес её на кровать, и её густые темные волосы разметались по наволочке, пугающе контрастируя с мертвенной бледностью лица.

А затем налетели коршуны.

Тетушки, пришедшие за «доказательствами», тут же с оханьем и причитаниями выставили меня за порог, безапелляционно заявив, что не мужское это дело — суетиться вокруг упавшей в обморок жены, и они сами приведут её в чувства.

И вот теперь я стою в коридоре второго этажа. Рядом переминается с ноги на ногу мой армейский друг Сергей. Он со своей женой Анной приехал на свадьбу издалека, и, разумеется, по всем законам нашего гостеприимства мы разместили их в гостевом крыле дома. Услышав утренний шум, они вышли из своей комнаты и теперь невольно стали свидетелями этого балагана.

Дверь в спальню прикрыта неплотно, и из-за неё в звенящей тишине коридора отчетливо доносятся громкие, полные эмоций перешептывания.

— Изверг! — сокрушается тетя Зарема так возмущенно, что слышно, кажется, на всем этаже. — Что он там с ней ночью делал, что девчонка аж сознание потеряла?!

Я невольно закатываю глаза, чувствуя, как на скулах снова начинают ходить желваки.

— Да ещё температуру ей поднял, вся горит! — подхватывает вторая родственница.

— Никогда бы не подумала, что у нашего Расула такие аппетиты, — пораженно всплескивает руками третья. — С виду такой сдержанный, всегда серьезный, а дорвался — и вон что натворил!

— Не удивлюсь, если скоро нам объявят о беременности Марианны, — авторитетно и веско заявляет четвертая. — С такой-то прытью! Помяните мое слово!

Абсурдность ситуации достигает такого градуса, что мне на секунду отказывает выдержка. Я запускаю пятерню в волосы и стискиваю зубы, сдерживая короткий ругательный выдох. Девчонка без сознания, ей нужен врач, а они стоят над ней и рассуждают о моих аппетитах в постели. Цирк какой-то.

Я перевожу взгляд на Анну. Жена Сергея, залившись густым, пунцовым румянцем от подслушанных интимных подробностей, поспешно отворачивается. Она упрямо сверлит взглядом пол, делая вид, что с огромным интересом изучает витиеватые узоры на ковре. Ей дико неловко от происходящего.

Сергей же стоит, прислонившись плечом к стене, и изо всех сил кусает губы изнутри, чтобы не заржать в голос. В его глазах пляшут откровенно издевательские смешинки — он-то меня знает слишком хорошо.

Я тяжело выдыхаю. Закрываю лицо широкой ладонью, с силой растирая уставшие глаза, и медленно, обреченно качаю головой из стороны в сторону.

— Поверить не могу, — тихо, одними губами шепчу я, обращаясь к другу.

Сергей лишь сочувственно хлопает меня по плечу, хотя его грудная клетка всё ещё подозрительно подрагивает от сдерживаемого смеха.

Внутри меня закипает глухое раздражение, но я быстро беру себя в руки и гашу его. Пусть. Пусть думают, что я ненасытный дикарь, лишенный всякого такта. Пусть болтают что угодно. Это в тысячу раз лучше, чем если бы они узнали, что Марианна всё ещё девственница. В нашем мире слухи и жалость могут сломать женщину за один день. А я этого не могу допустить. Я дал слово.

Сейчас она носит мою фамилию. И если цена её безопасности и безупречной репутации — это статус «жертвы моих неуемных аппетитов» в глазах любопытных тетушек, я это стерплю. Я обещал, что она будет под моей защитой. И я сдержу слово. Даже если защищать её придется от длинных языков моей собственной семьи.

Шумно выдыхаю сквозь стиснутые зубы и решаю наконец взять ситуацию под свой контроль. Достаю из кармана телефон и набираю номер знакомого главврача из частной клиники. Коротко и по делу описываю как обстоят дела и прошу прислать лучшего специалиста к нам домой.

Едва сбрасываю вызов, как слышу тяжелые, размеренные шаги на лестнице. Поднимается отец. Вчера его лицо было черным от ярости, а сегодня он выглядит так, словно выиграл в лотерею. Заложив руки за спину, он подходит ко мне, и в его суровых глазах пляшут непривычные, почти веселые искры.

— Это правда? То, что сейчас обсуждают женщины? — негромко спрашивает он, останавливаясь напротив.

Я молчу, пытаясь подобрать слова, но отцу мой ответ и не нужен. Он по-своему расценивает мою заминку. Его тяжелая рука опускается мне на плечо, крепко, по-мужски сжимая.

— Горжусь тобой, сын, — в его голосе звучит неподдельное облегчение. На всегда строгом лице появляется скупая, но искренняя улыбка. — Не подвел меня. Заставил ты нас вчера понервничать, конечно. К чему было так ругаться, к чему весь этот спектакль, если ты всё равно не смог устоять перед Марианной? Ну да ладно, дело молодое...

Отец одобрительно хлопает меня по плечу и направляется в сторону своего кабинета, оставляя меня стоять в каком-то диком, абсолютно сюрреалистичном шоке. Я, взрослый мужик, прошедший войну, сейчас просто не нахожу слов, чтобы объяснить самому себе всю абсурдность ситуации.

Не успеваю я переварить этот разговор, как дверь спальни тихо приоткрывается, и в коридор выходит моя мать. Заметив меня, она останавливается. В её глазах плещется целый океан эмоций: робкая надежда, неверие и безграничное счастье.

Она подходит ближе. В нашей культуре матери не обсуждают с сыновьями такие интимные вещи напрямую. Это табу, невидимая граница уважения. Поэтому она подбирает слова очень деликатно, смущенно отводя взгляд:

— Расул... Сынок, неужели это правда? — её голос дрожит от волнения. — Женщины шепчутся... Неужели ты всё-таки принял её? Неужели наша семья наконец-то обретет покой? Я так счастлива, родной... Я так за вас переживала.

Я смотрю на её полные слез глаза, и в этот момент в моей голове словно складывается пазл. Это же мой реальный шанс. Если я сейчас всё подтвержу, они от меня отстанут. Эти нелепые слухи — мой идеальный щит. Они купят мне два года спокойной жизни без упреков, без навязчивых попыток родни «сблизить» нас с женой, без гневных нотаций отца и сострадательных вздохов матери. Для всех мы будем образцовой семьей.

— Да, мам, — спокойно и уверенно произношу я, глядя ей в лицо. — Это правда. Я решил... дать шанс нашим отношениям.

Мать тихо ахает. Её лицо озаряется такой неподдельной радостью, что она, забыв о всякой сдержанности, буквально подпрыгивает на месте. Она бросается ко мне, крепко обнимает и звонко целует в щеку.

— Мам, ну что ты начинаешь... — я неловко отстраняюсь, чувствуя себя максимально глупо под насмешливым взглядом стоящего неподалеку Сергея.

— Да знаю я, знаю! — со счастливым смехом отмахивается она, смахивая слезинку. — Знаю, что ты у меня уже большой, важный человек, военный. Но для меня ты всё равно мой ребенок.

Она чуть ли не бегом устремляется к лестнице.

А я наконец-то выдыхаю. В этот момент снизу, со стороны холла, раздается голос охранника:

— Расул Муратович, врачи приехали!

Я мысленно отряхиваюсь от этого семейного сумасшествия, коротко киваю Сергею и быстрым шагом направляюсь к лестнице. Пора заканчивать с этим цирком и заняться делом.

Я провожу врачей из частной клиники на второй этаж. Захожу в спальню и сухо прошу тетушек освободить помещение, чтобы специалисты могли спокойно осмотреть Марианну.

Тетушки переглядываются, и на их лицах снова расплываются хихикающие, многозначительные улыбки.

— Ой, какой нетерпеливый! — шепчет одна другой, но так, чтобы я отчетливо слышал. — Даже с нами не хочет её оставлять, всё сам контролирует! Ненасытный...

Они с тихим смехом выходят за дверь.

Шумно выдыхаю и поворачиваюсь к кровати. Марианна лежит на подушках — бледная, хрупкая, едва пришедшая в себя. И в этот момент я словно впервые по-настоящему вглядываюсь в неё. Невольно замираю. Есть в этой девочке какая-то редкая, глубокая красота, которую не способна скрыть даже измученность и болезненная бледность.

По белоснежной простыне тяжелым вороным крылом рассыпались её волосы — длинные, густые, темные, спадающие мягкими, живыми волнами. Я вдруг ловлю себя на мысли: я ведь за всё время ни разу не видел её с непокрытой головой. До свадьбы она постоянно ходила в платке, строго пряча каждый локон от чужих глаз, да и вчера под плотной фатой ничего нельзя было разглядеть.

А сейчас эти черные пряди рамкой обрамляют её бледное лицо. Этот контраст выглядит настолько завораживающе, что я на несколько секунд просто застываю, не в силах оторвать взгляд. В ней есть эта редкая, настоящая, породная красота, от которой на миг перехватывает дыхание. И как бы я ни пытался дерзость этой девчонки списать на детское упрямство, против правды не пойдешь — передо мной цветущий бутон, который только начинает раскрываться.

С усилием отвожу взгляд, сбрасывая с себя это странное наваждение. Понимая, что моё присутствие прямо у изголовья во время осмотра только лишний раз смутит Марианну, я отступаю на несколько шагов к окну, давая врачам пространство и возможность спокойно сделать свою работу.

— У неё высокий жар. И она потеряла сознание, — сухо роняю я.

Врач кивает и вместе с медсестрой подсаживается к кровати. Пока они достают приборы, доктор начинает аккуратно расспрашивать о симптомах.

Чтобы пресечь любые неловкие догадки и лишние вопросы, я оборачиваюсь и ровно, не терпящим возражений тоном отрезаю:

— Никакой близости между нами не было. Я к ней даже не прикоснулся. Так что причину ищите в другом.

Доктор понимающе кивает, не задавая больше никаких лишних расспросов. Они делают Марианне жаропонижающий укол, меряют давление, после чего врач подсаживается к столику и на ходу записывает что-то в рецептурный бланк.

— Расул Муратович, — негромко подводит итог врач, поднимаясь и подавая мне лист. — Её сильно продуло. Судя по всему, ночью был сквозняк или открытое окно, а на фоне стресса

организм моментально сдал. Отсюда и такой резкий скачок температуры с обмороком. Главное сейчас — покой, тепло и строго по часам принимать эти лекарства.

— Понял. Всё будет сделано, — отрезаю я и провожаю их до лестницы, поручая охране проследить, чтобы их отвезли.

Возвращаюсь в спальню и сразу закрываю дверь на защелку. Знаю я своих родственниц: дай им волю, они весь день будут ходить под дверью и подслушивать.

Медленно подхожу к кровати и опускаюсь на край матраса. Марианна следит за мной диковатым, настороженным взглядом, судорожно сжимая в кулаке край одеяла и словно не зная, чего от меня ждать.

Я протягиваю руку, чтобы банально проверить, спадает ли жар. Сначала пальцы касаются её тонкого запястья — кожа всё ещё пылает. Перевожу ладонь выше, на шею, нащупывая пульс, а оттуда... Сам не замечаю, как пальцы плавно соскальзывают на её щеку. Подушечкой большого пальца я почти невесомо, слишком ласково и медленно провожу по её горячей, бархатистой коже.

Я просто хотел оценить её состояние, но на секунду словно забываюсь, залипая на этом странном ощущении.

Марианна от этой неожиданности замирает, переставая дышать. Её глаза округляются от искреннего шока. А через мгновение она вздрагивает, нервно дёргается и инстинктивно подается назад.

Между нами повисает неловкость. Я сам от себя не ожидал этого жеста, поэтому сурово сжимаю пальцы в кулак и убираю руку, возвращая себе контроль.

Марианна отводит взгляд, густо краснея до самых корней волос и продолжая сжимать одеяло.

— Врач сказал, скоро станет легче. Лекарства я сейчас привезу, — прочистив горло, говорю я, стараясь, чтобы голос звучал привычно ровно.

— Спасибо... — едва слышно шепчет она, всё так же не поднимая глаз.

— Марианна, — заставляю её посмотреть на меня. — Обстоятельства нашего договора немного изменились.

Она тут же настораживается:

— В каком смысле?

— В прямом. Вся моя семья включая теперь родителей уверены, что этой ночью между нами была близость...

Даю ей пару секунд, чтобы она переварила услышанное и продолжаю дальше.

— И я подтвердил им это, — ровно продолжаю я. — Для всех вокруг мы этой ночью стали настоящими мужем и женой.

— Что?! — задыхается она от возмущения, пытаясь приподняться. — Зачем?! Почему ты это сделал?!

— Потому что так будет лучше для нас обоих, — прерываю её сразу. — Это закроет все вопросы. Никаких сплетен, никаких упреков и попыток нас свести с их стороны не будет. Два года пройдут в абсолютном покое.

Но Марианна упрямо мотает головой, отказываясь принимать мои аргументы.

— Нет! Нет, я не согласна! — её голос срывается. — Я не буду никого обманывать! Я не хочу!

— Ты будешь умной девочкой и подтвердишь всё, что я сказал, — твёрдо обрываю её протест, чувствуя как начинаю сам закипать.

— Нет, не буду! — отвечает она, с вызовом глядя мне прямо в глаза. — Я не собираюсь быть прикрытием для тебя и твоей женщины! Не смей втягивать меня в эту грязь!

Грязь.

Это слово хлещет по мне, как удар. Она только что назвала мои чувства к любимой женщине грязью! Внутри мгновенно вспыхивает холодное, хищное бешенство. От заботы и мягкости не остается и следа.

Я подаюсь вперед и нависаю над ней, полностью перекрывая свет. Марианна замирает, её глаза расширяются от испуга — она понимает, что перешла черту.

Медленно опускаю тяжелую ладонь ей на талию. Девчонка моментально замирает, переставая дышать. Мои пальцы слегка сжимают её бок. Я не спеша веду ладонью выше — вдоль ребер, к плечу, а затем пальцы плавно поднимаются к её вспыхнувшему лицу.

Она смотрит на меня огромными, округлившимися глазами, в которых бьется дикий испуг. Я накрываю подушечкой большого пальца её мягкую нижнюю губу, слегка надавливая и чувствуя её обжигающее, рваное дыхание.

— Послушай меня внимательно, — мой голос падает до опасного, низкого полушепота. — Ты сыграешь эту роль и подтвердишь каждое мое слово. Потому что если ты откажешься... я сделаю так, что эта ложь станет правдой. Прямо здесь, в этой же постели.

Она отмирает, пытаясь глотнуть воздуха, но мой палец на её губах не даёт ей произнести ни слова.

— И поверь мне, — наклоняюсь еще ближе к её губам, чувствуя их горячее дыхание, — развод через два года ты всё равно получишь. Но эти два года ты будешь делить постель со мной. Выбирай: либо ты играешь по моим правилам добровольно, либо я заберу свое по праву мужа и ни разу не почувствую укола вины.

Глава 6.

Срочный вызов из ведомства пришел спустя всего полчаса после того, как я вышел из спальни от Марианны. Всё произошло настолько неожиданно и стремительно, что Сергею пришлось оставить свою жену Анну в нашем доме под опекой моей семьи. Нас с другом, несмотря на официальную отставку, подтянули мгновенно из-за оперативной информации по экстремистской ячейке, готовившей теракт на приграничном узле. Времени на раскачку не оставалось, поэтому мы в спешке бросили дом, отдали короткие указания охране и рванули за триста километров в соседний регион.

Сейчас мы сидим в неприметной серой «ауди» на парковке у оживленного торгового центра, делая вид, что ждем кого-то, а сами не спускаем глаз с центрального входа.

— Зря ты так с Марианной, Расул, — негромко, не поворачивая головы от лобового стекла, роняет Сергей. — Пожалеешь ведь. Девчонка правильная, чистая. У вас мог бы получиться отличный, красивый союз.

Я раздраженно передергиваю плечами и чуть сжимаю пальцы на руле.

— Не начинай, Серый. Ты отлично знаешь мою ситуацию. Я давно люблю Лену.

Сергей морщится, словно съел лимон, и наконец переводит на меня тяжелый, скептичный взгляд.

— Это ты её любишь, братуха. А вот в её чувства к тебе... извини, но я не верю ни на грамм. Какая любовь, если она бросила тебя на полпути, едва твои предки встали на дыбы?

— Давай без этого, Серый, — тяжело роняю я, качая головой. — Ты не знаешь всего. Из-за меня и глупой упертости моих стариков ей пришлось пройти через настоящий ад. Она не предавала — она просто не вынесла этого давления. Я сам не смог её уберечь, поэтому не нужно бросать на неё тень.

Сергей сочувственно вздыхает, понимая, что задел действительно болезненную тему, и поднимает ладонь:

— Ладно, проехали. Твоя жизнь. Но с Марианной-то что делать планируешь?

— А что с ней делать? — я снова въедаюсь взглядом в толпу у входа. — Поживем спокойно эти два года, пока семейный шум не уляжется. За это время я помогу ей встать на ноги: помогу с бизнесом её отца, закрою все бреши, отправлю учиться, если захочет. А потом отпущу её. Естественно, без защиты не оставлю, буду присматривать издалека, но на этом всё.

Сергей молчит пару секунд, а потом на его губах появляется дерзкая, насмешливая ухмылка.

— А если ты влюбишься в неё за это время?

Я коротко рассмеявшись, качаю головой, даже не воспринимая его слова всерьез.

— Отличное у тебя сегодня настроение для юмора, Серый. Лучше объект секи, вон он из дверей выходит.

Операция не затянулась. Мы сработали чисто, слаженно и без лишнего шума, передав объект местной группе захвата намного раньше, чем рассчитывали. Задача была выполнена, и Сергей собрался сразу возвращаться ко мне в дом — забрать жену, чтобы оттуда поехать уже к себе, в родной город.

— Сделай одолжение, дружище, — попросил я друга перед тем, как разъехаться. — Скажи моим, что меня задерживают по службе.

Сергей лишь понимающе и немного устало качнул головой, но лишних вопросов задавать не стал.

А я поехал к Лене.

Поднявшись на её этаж, я коротко постучал в знакомую дверь. Лена открыла не сразу. Когда она увидела меня на пороге, на её лице не было ни радости, ни привычного порыва

броситься в мои объятия. В глазах стояла лишь затаенная, глубокая обида и усталость. Она отступила вглубь прихожей, давая мне пройти, но осталась стоять на расстоянии, отстраненно скрестив руки на груди.

Между нами мгновенно повисла тяжелая, звенящая неловкость. Мы молча смотрели друг на друга, и в этом молчании сквозила вся наша общая боль, недосказанность и странное, почти пугающее ощущение, словно мы стали друг другу чужими. Словно все эти годы и произошедшие события провели между нами слишком глубокую черту.

Но размышлять об этом и снова поднимать прошлые обиды сейчас было выше моих сил.

— Иди ко мне, — глухо произнес я, не давая этой пропасти между нами стать еще больше.

Я сделал шаг вперед, перехватил её за талию и решительно притянул к себе. Лена едва успела выдохнуть сорвавшееся с губ возражение, как я накрыл её губы жарким, требовательным поцелуем. В следующую секунду я легко подхватил её на руки, сжимая в объятиях, и, не разрывая поцелуя, шагнул с ней в темноту спальни.

Марианна

Прошли целые сутки с момента, как за Расулом закрылась дверь.

Физически мне стало значительно лучше. Жар спал, слабость отступила, и от вчерашнего болезненного обморока не осталось и следа. Вот только эмоционально я чувствовала себя совершенно разбитой.

Все эти двадцать четыре часа дом жил своей привычной жизнью. Тетушки и родственники окружили меня чрезмерной, душившей заботой: без конца заглядывали в спальню, носили бульоны, расспрашивали о самочувствии и с хитрыми, многозначительными улыбками поздравляли с «наступившим женским счастьем». К вечеру шумный праздник наконец утих, и большинство гостей разъехалось.

Сергей, друг Расула ещё вчера вечером вернулся за женой. Он коротко рассказал свёкру, как прошла операция, и передал, что его друга якобы задерживают по службе. Сразу после этого они с Анной уехали домой.

Эту удобную ложь родня проглотила без единого расспроса — к его экстренным отлучкам и ночным звонкам со службы здесь привыкли давно. Сомнения не возникли ни у кого.

Абсолютно ни у кого, кроме меня.

Мне тоже было бы проще закрыть глаза и сделать вид, будто я поверила. Но сердце упрямо бунтует. Внутри всё клокочет от обиды.

Я не хочу и не должна позволять ему так с собой поступать.

Да, он женился нехотя. Но ведь и я не рвалась за него замуж! Меня убеждали, мне обещали, что после никаха у меня появится своя, настоящая семья. И я поверила. Я была готова дать нам шанс — пересилить себя и стать ему настоящей, верной женой.

Сколько времени я потратила на то, чтобы перешагнуть через страх и настроить себя! Убеждала, что должна принять его, позволить ему прикоснуться к себе, постараться быть с ним ласковой и покорной. И ради чего? Чтобы получить такой удар в спину?

Я чувствую себя обманутой, преданной, чужой и абсолютно нежеланной. И именно это ранит больно и глубоко. Я ведь молода, красива — только слепой этого не видел и не говорил мне. А он просто вытер о меня ноги.

Сглатывая подступающую горечь, я ищу в сундуках хоть какую-то ночную рубашку. Но когда пальцы нащупывают шелк, из груди вырывается тихий стон разочарования. Как я могу надеть эту полупрозрачную вещь теперь, когда между нами только ложь и никакого настоящего брака нет?

Швыряю шелковую ночнушку обратно в сундук. Надеваю простое, закрытое домашнее платье и наотрез отказываюсь даже прикасаться к его широкой, аккуратно застеленной кровати. Взяв легкий плед, я укладываюсь на узком кожаном диванчике в углу спальни, прямо у окна.

Под утро, когда за окном только начинают сгущаться синие сумерки, тихо щелкает дверной замок.

Я мгновенно подхватываюсь от испуга, судорожно прижимая плед к груди.

На пороге стоит Расул. Помятый, с тенью темной щетины на скулах и уставшим, тяжелым взглядом. Его взор моментально фиксируется на мне — сжавшейся на диване, и на идеально нетронутой кровати.

Его губы сжимаются в суровую, сухую линию. Не говоря ни слова, Расул медленно закрывает дверь на защелку и делает несколько неспешных шагов в мою сторону. А в следующее мгновение до моих ноздрей долетает то, от чего сердце падает в бездну: от его одежды и кожи четко, отчетливо пахнет чужим, сладковатым женским парфюмом.

Отвращение и обида волной подступают к горлу.

— Что это значит, Марианна? — его голос звучит обманчиво тихим, хриплым полушепотом.

— Не подходи ко мне, — шепчу я, задыхаясь от эмоций, и выставляю руки вперед.

Расул резко останавливается, словно услышал стоп-слово. Это удивляет и в то же время даёт мне возможность выдохнуть.

Хмурясь, он отступает и садится в кресло. Весь его вид говорит о том, что он готовится к долгому разговору, и я снова внутренне подбираюсь.

Напряжение в груди скручивается в тугой узел. Я совершенно не хочу сейчас с ним говорить, да и видеть его — тоже.

— Что за сцены? — его брови сдвигаются к переносице, голос становится чужим и требовательным. — Мы вроде бы обо всем договорились перед моим отъездом. К чему сейчас этот бунт?

Я ничего не отвечаю. Лишь смотрю на него — долго, неотрывно, звеняще молча.

Он отвечает тем же взглядом: темным, непроницаемым, словно без слов предупреждает, что в этой войне упрямства я выбрала соперника не по силам. И что попытка отгородиться от него всё равно потерпит крах.

Так и происходит. Я первая поднимаю белый флаг. Его энергетика давит — я не могу с ним открыто воевать.

Он мне просто не по зубам.

Демонстративно отворачиваюсь к спинке дивана и тихо бросаю в темноту:

— Я хочу спать.

В комнате повисает звенящая тишина. Я замираю, подслушивая каждый шорох и затаив дыхание. Искренне надеюсь, что он не станет зацикливаться, оставит меня в покое и тоже пойдёт спать.

Но затишье оказывается обманчивым.

По плотному ритму шагов я слишком поздно понимаю, что он идёт ко мне. В самый последний момент, когда я только собираюсь обернуться, его руки уверенно подхватывают меня с дивана. Я взвизгиваю от неожиданности и нехотя, чисто рефлекторно, цепляюсь за его плечи, лишь бы не рухнуть.

Он невозмутимо несёт меня к кровати.

— Что ты делаешь?! — выдыхаю я, пытаясь вырваться из этой хватки. — Отпусти!

Он опускает меня на матрас, но не даёт подняться, перекрывая собой всё пространство.

— Я мужчина, Марианна. И я не позволю себе спать на кровати, пока ты ютишься на диване, — чеканит он тихо, но так, что слова впечатываются в воздух. — Так будет всегда. По крайней мере пока мы не разведёмся. Привыкай...

Его самоуверенность мгновенно выжигает во мне остатки страха, оставляя только злость.

— Привыкай? — перебиваю я, глядя ему прямо в глаза. — Я бы посмотрела, как ты привыкал бы, приходя я от другого мужчины к тебе в постель.

Укол попадает точно в цель — я вижу, как мгновенно темнеет его взгляд.

Пользуясь его замешательством, я рывком дёргаюсь в сторону, собираясь уйти обратно на диван. Он рефлекторно пытается перехватить меня за плечо — и в тишине раздаётся резкий, сухой треск рвущейся ткани.

Ворот моего закрытого, скромного платья не выдерживает. Шов на плече лопается, и ткань беспомощно соскальзывает вниз по предплечью оголяя мои ключицы.

Я в шоке замираю, моментально прижимая руку к груди и пытаясь прикрыть обнажившееся плечо. У меня перехватывает дыхание от его неосторожности и от того, насколько неуютно я себя сейчас чувствую.

Он тоже застывает. В его глазах вспыхивает абсолютно неконтролируемая, неожиданная для него самого растерянность. Он смотрит на меня и на моё голое плечо, ключицы в каком-то оцепенении, и я вижу, как тяжело вздымается его грудь.

— Не смотри на меня! — срывается у меня с губ почти шёпотом, но с бешеной экспрессией.

Он тяжело сглатывает и молча отворачивается, давая мне возможность оправиться.

Я судорожно прижимаю разорванную ткань к груди, пытаясь перевести дыхание пока он идёт на выход. Но вместо того чтобы выйти, он замирает у самой двери. Его плечи сурово напряжены. Не оборачиваясь, он чеканит низким, опасным тоном, в котором впервые пробивается сдерживаемая ярость:

— Про какого «другого мужчину» ты только что сказала, Марианна?

Страх окончательно сгорает, уступая место злой гордости. Я рывком поднимаюсь с кровати, сжимая разорванный шов у горла, и делаю шаг ему навстречу.

— А ты думал, ваша семья — единственная, кто приходил просить моей руки?! — с вызовом бросаю я ему в спину. — Мой отец многим отказывал! И пока ты был со своей Леной прошлые сутки, я всерьёз задумалась о том, что мне тоже стоит взять свою жизнь в свои руки! Я не на помойке себя нашла, Расул. Я молодая, красивая, порядочная, далеко не бедная и всё ещё невинная. Моя ценность никуда не делась, и я заслуживаю нормального мужа, а не этого позора!

Лицо мгновенно обжигает плотной волной стыда — прямо говорить мужчине о своей невинности и ценности в нашей традиции немыслимо. Мне на секунду становится дико неловко за такую откровенность, хочется провалиться сквозь землю, но мне и этого не дают сделать.

Расул медленно разворачивается.

— Мне обещали настоящую семью, — мой голос дрожит от удушающей обиды, но я упрямо не отвожу взгляда. — Я не знала, что у тебя есть любимая женщина, когда дала согласие на этот брак. Моей вины в случившемся нет! Но ты-то всё знал. Знал и всё равно согласился на этот брак. Зачем? Чтобы сломать мне жизнь под видом собственного «благородства» и милосердия?! Мне не нужны твои жертвы и твоя жалость. Твоё удобное решение — жить с другой и при этом считаться моим мужем эти два года — я не принимаю. Хочешь быть с ней? Отлично, будь! Но тогда и я выберу другого мужчину. Знай это.

Его непроницаемая маска окончательно слетает. В тёмных глазах Расула вспыхивает откровенная, хищная злость и острая, неконтролируемая ревность.

Ему не нравится то, что я сказала. Вот и отлично. Мне тоже многое не нравилось, но я ведь терпела. Теперь пускай потерпит и он.

Я наконец высказалась, и мне даже не стыдно признаться, что я рассчитывала на него как на своего мужчину. Как на настоящего мужа.

Хотя нет, мне всё-таки стыдно за эту откровенность. Не хочу, чтобы он зазнался ещё больше. Но лучше признаться в своих надеждах сейчас, чем сделать это потом, когда он окончательно меня сломает.

— Значит, другого захотела? — чеканит он.

Расул сокращает расстояние между нами в два широких шага. Я даже отступить не успеваю. Его сильные ладони жёстко впиваются в мою талию и рывком притягивают меня вплотную к себе.

Я невольно ахаю и вынужденно вцепляюсь пальцами в его плечи, лишь бы не потерять равновесие. От этого движения разорванная ткань соскальзывает ниже, снова полностью обнажая моё плечо.

Воздух моментально выбивает из лёгких. Я захлёбываюсь быстрым дыханием, а моя грудь судорожно вздымается, практически касаясь его твёрдой грудной клетки. Расул на мгновение опускает взгляд на моё голое плечо. Его брови хмуро сдвигаются к переносице, в глазах темнеет опасная гроза, а пальцы на талии сжимаются ещё сильнее, обжигая сквозь платье.

— Повтори, — хрипло чеканит он, нависая надо мной.

Я пытаюсь ответить твёрдо, но голос предательски дёргается. В нём мешается всё сразу — и вспыхнувший страх, и злая обида, и какая-то дикая, пугающая трепетность, от которой слабеют колени и сбивается пульс.

— Из всего, что я сказала, ты услышал только это?

Глава 7.

Марианна

Расул замирает. В его глазах вспыхивает резкое, тёмное пламя, но он берёт себя в руки быстрее, чем я успеваю это осознать. Железный самоконтроль возвращается на место, выжигая всю вспыхнувшую ревность и заливая взгляд сухим холодом.

— Я сделаю вид, что ничего из этой глупости не слышал, — чеканит он ровным, безжалостно спокойным тоном. — И спишу твои громкие слова на то, что ты слишком юна и наивна. Я уже сказал тебе, как обстоят дела, и менять ничего не собираюсь. У меня есть обязательства перед другой женщиной, и в моём сердце тоже она. Прими это как факт.

Он произносит эти выверенные, бьющие под дых слова с ледяным равнодушием. Но вопреки собственной отстранённости его взгляд судорожно соскальзывает ниже — туда, где рваный шов обнажает моё плечо и тонкую, дрожащую ключицу.

Его взгляд темнеет, на скулах сжимаются желваки, а грудь вздымается слишком тяжело для человека, которому «всё равно». Он коротко, сухо прокашливается, сбивая невольное наваждение, и резким движением разжимает пальцы на моей талии.

— Ложись спать, Марианна. Разговоры окончены.

Он разворачивается и молча выходит из спальни, притворяя за собой дверь.

Я остаюсь стоять посреди молчаливой комнаты одна.

Горло перехватывает сухой, удушающий узел, а щёки обжигает волной жгучего, отравляющего стыда. Я ведь только что своими руками растоптала собственное достоинство. Зачем я призналась? Зачем дала ему понять, что ждала его, настраивала себя, рассчитывала на него как на мужа?

В нашей традиции девушке и так немыслимо проявлять инициативу, а я открыла перед ним душу — только для того, чтобы он вытер о неё ноги, назвал наивной дурочкой и снова напомнил о своей Лене.

Моя гордая попытка дать отпор провалилась. Я не задела его, не смогла даже заставить его подумать над моими словами. Я просто выставила себя полной дурой, которая навязывается мужчине с чужой женщиной в голове. И от этого осознания внутри становится так тошнотворно и унизительно, что хочется содрать с себя это порванное платье вместе с кожей.

Расул

Я прихожу в свой кабинет, глухо закрываю дверь и тяжело опускаюсь в кресло. Голова раскалывается так, будто череп вот-вот разлетится на куски.

Выдыхаю в темноту и бессильно откидываюсь на спинку, прокручивая в памяти весь этот безумный хаос последних суток. Свадьба. Лена, которая вдруг опомнилась и решила дать нам шанс именно тогда, когда я уже согласился на брак и отступать было некуда. Отец, который давил на меня всем своим авторитетом. Бесконечный гул родственников, толпы гостей, от которых негде было укрыться. И, наконец, Марианна. Эта девчонка оказалась умной не по годам. Она не просто удивила меня своими точными уколами, а буквально вогнала в ступор, и я теперь тупо не знаю, что со всем этим делать дальше.

Точнее я не знаю, что теперь делать с этой маленькой упрямицей, которая вдруг решила, что я ей нужен.

Возвращаясь в этот дом после ночи с Леной, я и без того чувствовал себя паршиво. Внутри оседало мерзкое, липкое ощущение, будто я на собственных подошвах принёс грязь в семейную спальню и поступил как последний предатель. Хотя я не давал Марианне никаких обещаний и сразу честно обрисовал границы, мне всё равно было не по себе перед её чистым, обманутым взглядом.

Но её признание сделало ситуацию тошнотворной вдвойне.

Оказалось, она не просто смирилась со своей судьбой. Она переступила через свой страх, настраивала себя стать мне верной, ласковой женой и искренне рассчитывала на меня как на своего мужчину. На настоящую семью.

И это полностью меняет дело. Простой план — отсидеться два года в формальном браке, пока утихнут родственники, а потом тихо разойтись — только что с треском рухнул. Всё усложнилось до предела, и как выпутываться из этого узла, я пока не имею ни малейшего понятия.

В то утро я так и не нахожу ответа. Просто решаю поставить всё на паузу и переждать, надеясь, что время само расставит всё по своим местам.

Но дни складываются в одну сплошную, вытягивающую жилы неделю.

За эти семь дней ночевать я окончательно ушёл к себе в кабинет. Марианна упрямо продолжала ложиться на диван, а спокойно спать на просторной кровати, пока жена ютится на узкой кушетке, мне не позволяло мужское достоинство. Повторно заставлять её или силой переносить на матрас я больше не стал. Я и так в прошлый раз перегнул, напугал девчонку на ровном месте.

Да и себе позволил лишнего, когда застыл и не смог сразу отвести взгляд от её оголившегося плеча и тонкой ключицы. Будто шайтан на секунду разум помутил — я ведь едва сам не переступил границы, которые между нами поставил. И эта неконтролируемая вспышка до сих пор сбивает меня с толку. С какого перепугу меня вообще задело её обнажённое плечо? Я ведь люблю Лену, и нужна мне только она.

Чтобы выжечь эту дурь из головы и лишний раз не искушать судьбу, я решил выстроить между нами глухую стену и свести всё общение к строгому минимуму.

И теперь единственное место, где мы пересекаемся — это общие завтраки и ужины. Перед родителями Марианна держится безупречно, не давая им ни единого повода заподозрить, что между нами пропасть. Скромная, тихая, она аккуратно накладывает мне еду, подаёт чай и почти не поднимает глаз. Тётушки смотрят на неё с умилением, принимая эту отстранённость за обычное смущение молодой невестки.

Я сдержанно благодарю её за заботу, но каждый такой совместный ужин давит на меня тяжёлым грузом. Мне тошно от этого идеального фасада. Марианна честно соблюдает правила традиции, ведя себя как верная жена, пока я продолжаю держать дистанцию.

За эту неделю я видел Лену несколько раз. Но после того разговора в спальне с Марианной близости между нами с Леной не было. Каждый раз, когда Лена тянулась ко мне, у меня перед глазами всплывал раненый взгляд Марианны и её слова о том, что она на меня рассчитывала. Меня накрывало такое удушливое чувство подлости, что я просто не мог заставить себя ответить на её ласки.

И вся эта ситуация начинала злить уже не только Лену. Она всё чаще устраивала мне сцены ревности и несла полную чушь: якобы я не прикасаюсь к ней только потому, что получаю всё дома, от жены.

Её абсурдная логика бесила невероятно. Мне и без того хватало напряжения дома, а теперь ещё и Лена вызывала во мне глухую злость и раздражение — эмоции, которые я меньше всего хотел чувствовать рядом со своей любимой женщиной.

Злость злостью, но в глубине души я понимал: Лене больно. Ей обидно, и так действительно быть не должно.

Только с какой стати я вообще взвалил на себя этот груз вины перед Марианной? Я никого не обманывал. С самого начала всё сказал прямо и ничего ей не обещал. Да, так сложились обстоятельства, но моей вины в этом нет. И я точно не обязан из-за чужих надежд отказываться от женщины, к которой стремился столько лет.

И сегодня я намерен оборвать все эти глупые сомнения. Я должен успокоить Лену и успокоиться сам. Мне важно вернуть всё на свои места и почувствовать, что между нами всё в

порядке. Поэтому благодарю за ужин, дожидаюсь когда семья расходится по своим комнатам и иду в спальню, чтобы освежиться и переодеться.

Я открываю дверь спальни и замираю на пороге.

Марианна не спит. Она стоит у края кровати, переодеваясь, и едва успевает накинуть тонкую сорочку поверх белья. Вспыхивает короткий испуганный вскрик, она мгновенно закрывается руками, сжимаясь от неожиданности.

Я суховато прокашливаюсь, сбивая наваждение, и тут же отвожу взгляд.

— Извини. Я думал, ты уже спишь.

Отвожу взгляд и стараясь больше не смотреть в её сторону прохожу в душевую.

Когда выхожу, Марианна уже лежит на диване, натянув одеяло почти до самых глаз. Вся её фигура звенела от предельного напряжения. Она не спускала с меня пристального, настороженного взгляда, пока я подбирал из шкафа свежую футболку и джинсы.

— Ты уходишь? — раздался в полутьме её тихий голос.

Внутри снова тяжело натягивается струна. *Блядь.*Ещё полчаса назад у себя в кабинете я твердил себе, что не буду мучиться виной, а сейчас один этот простой вопрос снова придавливает грудь тяжёлой плитой.

— Да, — выдохнул я сухо.

На секунду позволил посмотреть ей в глаза. Посмотрел и сразу увидел в них, что она прекрасно всё поняла: к кому, куда и зачем я собрался.

Прервав этот ненужный контакт, я забрал свои вещи. Переоделся в гардеробной и подхватил со стола телефон и ключи. Но у самого порога меня остановил её ровный, лишённый прежней детской обиды тон.

— Ты был прав, Расул.

Я останавливаюсь у двери, не оборачиваясь.

— Я перепутала свои детские надежды с реальностью и повела себя неподобающе. Извини. Ты прав... Я должна проявить уважение и склонить голову перед чужим чувством. Даже если это любовь моего мужа к другой женщине.

Слова падают мягко, но в них слышится такая глухая, гордая покорность, от которой в груди становится тесно.

— Я больше не стану докучать тебе. Согласна прожить эти два года так, как ты решил. И я буду счастлива и благодарна тебе, если твоё предложение о помощи мне возглавить бизнес отца и получения образования всё ещё в силе.

Я поворачиваюсь и смотрю на неё. Внутри смешиваются тяжесть и странное, почти горькое облегчение. Чуть заметно улыбаюсь ей — сдержанно, уголками губ:

— Рад, что мы наконец друг друга поняли.

В машине я давлю на газ, но её слова прокручиваются в голове в такт мотору.

«Я должна склонить голову...»— и перед глазами вспыхивает кадр: её оголившееся плечо, тонкая ключица, дрогнувшая кожа.

«Больше не буду докучать...»— и тут же всплывает образ, как я застал её врасплох: тонкая сорочка, изящная фигура, она почти без одежды, испуганная и растерянная.

«Согласна на два года...»— и в мысли закрадывается паршивый вопрос: какая у неё кожа на ощупь?

Я до хруста в суставах вцепляюсь в руль, пытаясь выжечь эту дурь. Я еду к Лене. К женщине, которую искал и хотел столько лет.

Поднимаюсь на этаж. Лена открывает дверь почти сразу — на ней откровенный, соблазнительный наряд, всё её тело откровенно приглашает зайти. Во мне горит острая, сумасшедшая похоть, я действительно хочу близости, но где-то на самом дне сознания с ужасом понимаю: эта волна возбуждения поднята вовсе не Леной. Её зажгла Марианна там, в спальне.

Пытаясь заглушить эту мысль, я делаю резкий выпад, прижимаю Лену к себе и не успеваю даже коснуться её губ, как раздаётся резкая трель телефона.

Я до хруста сжимаю челюсти. Злость закипает мгновенно. Я не собираюсь отвечать, вытаскиваю трубку, чтобы выключить телефон, но на дисплее горит одно слово: **ОТЕЦ**.

На такой звонок я естественно не могу не ответить. Глухо выругавшись, даю Лене знак подождать и отступаю в сторону.

— Да, отец, — отвечаю, изо всех сил делая голос ровным, хотя в таком состоянии это д

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.